Рецензия на книгу: Элементы мокшанского языка в типологическом освещении

Ред. С. Ю. Толдова (отв. ред.), М. А. Холодилова (отв. ред.), С. Г. Татевосов,
Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин. —
М.: «Буки Веди», 2018. — xxiv + 1014 с. — ISBN 978-5-4465-2097-8.

Соловьева Анита Вячеславовна,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; nit-sol@mail.ru

Рецензируемая книга — один из ярких примеров систематизации результатов полевого исследования, построенного на взаимодействии разных поколений и подходов к описанию языкового материала. В основе книги лежат диалектные данные, которые были собраны в мордовских селах Лесное Цибяево, Лесное Ардашево и в деревне Лесные Сиялы. Согласно [Феоктистов 1990], их говоры относятся к северной группе центрального диалекта мокшанского языка. Изложение в монографии строится от типологически ориентированного описания языкового материала до анализа в рамках функциональных и формальных подходов, от изложения морфонологических данных до описания семантико-синтаксического интерфейса.

Автор рецензии ставит перед собой цель проанализировать достоинства и недостатки каждой из тридцати шести глав монографии, отмечая их значимость в сравнении с уже существующими описаниями языка.

Ключевые слова: грамматика, полевая лингвистика, финно-угорские языки, мокшанский язык

ELEMENTY MOKSHANSKOGO YAZYKA V TIPOLOGICHESKOM OSVESHCHENII [ELEMENTS OF THE MOKSHA LANGUAGE IN A TYPOLOGICAL PERSPECTIVE] (MOSCOW, 2018. XXIV + 1014 PAGES)

Anita V. Solovyeva,
Lomonosov Moscow State University; nit-sol@mail.ru

The reviewed book is a striking example of systematization of fieldwork research results based on the interaction of different generations and approaches to the description of language material. In the heart of the book lie dialectal data that were collected during fieldwork with speakers of the Central dialect of the Moksha language in the Mordovian villages of Lesnoje Cibajevo, Lesnoje Ardashevo, and Lesnyje Sijaly. The book consists of not only a typologically oriented description of language material, but also an analysis within both functional and formal approaches. It provides a broad description of Moksha morphology, semantic and syntactic interface.

The author of the review aims to analyze the advantages and disadvantages of each of the thirty-six chapters of the monograph, noting their significance in comparison with existing studies on Moksha.

Keywords: grammar, linguistic fieldwork, Finno-Ugric languages, the Moksha language

1. Вводные замечания

Как благоприятное сочетание внешних факторов играет ключевую роль в адаптации приобретенных изменений у живых организмов, так совместный труд и поддержка старших поколений влияет на успешное сохранение традиций. Безусловно, одной из таких традиций по праву можно считать студенческие лингвистические экспедиции, созданные в 1967 г. на ОТиПЛе (в то время ОСиПЛе) и продолжающиеся до сих пор. Полевая работа, так гармонично встроившаяся в жизнь российских лингвистов благодаря А. Е. Кибрику (1939—2012) и его последователям, запечатлена в обширном ряде работ (см. в первую очередь [Рахилина, Тестелец (ред.) 1999: 11—16, 623—627; Борщёв 2001; Кибрик 2005, 2007, 2008, 2010, 2011; Плунгян, Фёдорова 2017]). Результаты данных исследований (проводимых как на ОТиПЛе, так и в других учреждениях) также отражены в большом количестве публикаций. Среди них хотелось бы особенно отметить книги по целому ряду нахско-дагестанских [Кибрик и др. 1972; Kibrik 1996; Кибрик 1999, 2001], адыгейскому [Тестелец (отв. ред.) 2009] и аллаторскому [Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000] языкам; монографию, посвященную глагольной системе карачаево-балкарского языка [Лютикова и др. 2006], а также сборники и монографии по финно-угорским языкам [Кузнецова и др. (ред.) 2012], мишарскому диалекту татарского языка [МДТЯ 2007], тубаларскому диалекту алтайского языка [Татевосов (ред.) 2009], калмыцкому языку [Сай и др. (ред.) 2009].

Рецензируемая книга — также яркий пример систематизации результатов полевого исследования, построенного на взаимодействии разных поколений и подходов к описанию языкового материала. Монография содержит восемь частей, разбитые на тридцать шесть глав, посвященных описанию мокшанского языка во внутригенетической, ареальной и широкой типологической перспективе. Работа была выполнена в рамках долгосрочного проекта в 2013—2018 гг. Его руководителями в 2013—2014 гг. были А. И. Кузнецова и С. Ю. Толдова. С 2014 г. С. Ю. Толдова полностью взяла на себя руководство проектом. Немалую роль в организации экспедиций и редактировании глав сыграли М. А. Холодилова, выступившая, наряду с С. Ю. Толдовой, ответственным редактором монографии, а также С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева и И. А. Стенин.

За продолжительную историю изучения мордовских языков уже было издано несколько синхронных [Орнатова 1838; Евсеев 1929/1963; Колядёнков, Заводова (ред.) 1962; Цыганкин 1980], а также исторических [Бубрих 1953; Серебренников 1967] грамматик. Немалое количество работ посвящено диалектным описаниям, см. в частности [Бабушкина 1966; Пласина 2002]. Рецензируемая книга основана на диалектных данных, которые были получены в мордовских селах Лесное Цибаево, Лесное Ардашево и в деревне Лесные Сиялы. Соответствующие говоры относятся, согласно [Феоктистов 1990], к северной группе центрального диалекта мокшанского языка.

Изложение в монографии строится от типологически ориентированного описания языкового материала к анализу в рамках функциональных и формальных подходов, от изложения морфонологических данных к описанию семантико-синтаксического интерфейса, что представляется логичным переходом от мелких единиц к более крупным. Первая часть содержит информацию о методах и материалах исследования, социолингвистическом положении мокшанского языка и его носителях, существующих описаниях и доступных источниках. Во второй части уделяется внимание фонологическому инвентарю и морфонологическим особенностям. Третья и четвертая части посвящены морфосинтаксису именной и глагольной групп соответственно. Далее, в пятой части синтаксический анализ разворачивается до уровня клаузы, а в шестой — до связи нескольких клауз (полипредикации). В седьмой части представлен анализ ряда лексико-семантических полей мокшанского языка. В заключительную восьмую часть выделены образцы текстов (включенные в корпус мокшанских текстов — сокращенно КМТ), которые были получены экспериментальным путем или спонтанно порождены самими носителями. Тексты, как и примеры в монографии, сопровождаются поморфемной нотацией (гlossированием) и переводом.

Монография также содержит список глосс, список сокращений, библиографию, терминологический указатель и сведения об авторах и редакторах.

2. Краткая характеристика глав

Первая часть книги начинается главой М. А. Холодиловой «Принципы исследования и конвенции представления материалов». В ней раскрываются базовые подходы к исследованию: внутриязыковой; генетический и ареальный, рассматриваемые в рецензируемой книге неразрывно, и типологический. Обсуждаются также используемые в монографии материалы: языковые примеры, собранные путем анкетирования, расшифрованные устные тексты и для сравнения литературные мокшанские тексты: статьи из газеты «Мокшень правда» (<http://www.mokshen-pr.ru/>) и художественные произведения.

В той же главе отмечается ориентация на лейпцигские правила глоссирования при оформлении примеров. Единственное упомянутое отклонение от них — игнорирование знака «=», предназначенного для отделения клитик, из-за спорного статуса некоторых единиц. Однако, как можно заметить из списка глосс, необъясненным остается неполное соответствие общепринятым сокращениям (ср. хотя бы CONV вместо CVB, NZR вместо NMLZ). Непонятны и условия применения знака «Ø». Утверждение о его использовании в значении «синтаксический ноль» порождает ряд вопросов: «Какие случаи рассматриваются как нулевой элемент, а какие как эллипсис?», «Что такое “синтаксический ноль”: подлежащее в нефинитных клаузах, глагол-связка при референции к настоящему (очевидно нет, как можно видеть из главы 23, посвященной именной предикации, где отсутствует упоминание “Ø”)?». На с. 581 данный символ предлагается использовать уже как обозначение невыраженного аргумента при наличии согласовательного показателя на вершине. Далее, однако, эта установка не соблюдается, и на с. 584 «Ø» обозначает PRO при инфинитивном предикате, не маркированном согласовательными показателями.

Глава Ю. Б. Корякова и М. А. Холодиловой «Общие сведения о мокшанском языке и исследуемом говоре» посвящена мокшанскому этносу, географическому распространению самого языка, его диалектному членению и влиянию на него близкородственного эрзянского и ареально близких русского, татарского и других языков.

В главе также отводится специальное место для «типологического портрета» мокшанского языка: кратко, но достаточно емко представляются его базовые морфосинтаксические особенности (тип ролевого кодирования, локус маркирования в различных составляющих и др.). Соответствующую информацию можно извлечь и из существующих грамматик, однако в них не приводятся сжатые очерки подобного рода, удобные для типологов при изучении важнейших грамматических особенностей языка. В некоторых случаях, однако, кажутся желательными дополнительные пояснения. Так, было бы естественно провести различие между падежным маркированием (*flagging*) и предикативным согласованием (*indexing*) не только в сводной таблице, но и в тексте, не объединяя эти явления под одним ярлыком «тип кодирования» (с. 17). Информацию о взаимодействии различных семантических и морфосинтаксических факторов правильнее было бы не только сообщать, но и отражать в строке перевода примеров (так, влияние определенного/неопределенного статуса прямого дополнения на его тип маркирования не отражено в переводе (4a—b) на с. 15).

Вторая часть открывается главой А. В. Кухто «Фонология», представляющей собой весьма подробное описание мокшанского сегментного инвентаря. По утверждению автора, он включает в себя 32 согласные фонемы и 7 гласных. В то время как в [Цыганкин 1980: 26, Феоктистов 1966: 202] выделяется 33 согласных фонемы, А. В. Кухто не выделяет фонему /x/, т. к. она употребляется только в заимствованиях из русского и татарского языков.

В главе отмечается существование оппозиции по мягкости / твердости у зубных и альвеолярных переднеязычных согласных, а по глухости / звонкости — у всех согласных, кроме аффрикат. Выделяя в качестве отдельных фонем аффрикаты /t͡s/, /t͡sʲ/, /t͡ʃ/, автор не отводит место обсуждению статуса таких единиц, как $\widehat{d}z$, $\widehat{d}zʲ$ и $\widehat{d}ʒ$, определяя их как аллофоны /t͡s/, /t͡sʲ/, /t͡ʃ/ перед звонкими согласными соответственно. Такое решение требует комментария, поскольку хотя бы после зубных носовых согласных $\widehat{t}z$ и $\widehat{d}z$, $\widehat{t}ʃ$ и $\widehat{d}ʒ$ противопоставлены, согласно данным словарей, что представляет возможный аргумент за наличие между ними фонологической оппозиции: *сётеньши* [Шанкина, Кочеваткин, Мишина 2011: 388] ‘прихоть’ и *шиньжаромань* [там же: 361] ‘подсолнечный’, *пӧнсемс* [там же: 154] ‘заплетать’ и *уӧнзе* [Поляков 1993: 147] ‘цепь’ (с учетом утверждения автора о том, что /s/ и /z/ проявляются как $\widehat{t}z$ и $\widehat{d}z$, а /ʃ/ и /ʒ/ — как $\widehat{t}ʃ$ и $\widehat{d}ʒ$ после зубных носовых).

В системе вокализма наблюдается различие наборов фонем первого и непервого слогов. Так, гласный среднего ряда /e/ встречается только в первом слоге, а безударные гласные в непервом слоге подвергаются централизации (сведения о том, подвергается ли централизации /o/, расходятся в основном тексте и таблице, см. с. 30—31). В главе представлено две таблицы набора гласных: общий и непервого слога. Представляется, что демонстрация в первой таблице гласных первого слога вместо полного инвентаря позволила бы читателю быстрее увидеть позиционные противопоставления двух типов слогов.

Глава также содержит информацию о структуре слога и фонетического слова. Отмечается, например, наличие отсутствующей в эрзянском возможности словесного ударения не на первом слоге. Завершает главу обсуждение практической транскрипции, отличающейся от МФА и традиционной финно-угроведческой транскрипции [Collinder 1957: ix—xiii; Sinor (ed.) 1988].

Следующая глава А. А. Козлова и Л. С. Козлова «Морфонология» посвящена попытке систематизации сегментных процессов в мокшанском языке, действующих в диапазоне морфологических явлений. В главе описываются как автоматические, так и неавтоматические (межкатегориальные и внутрикатегориальные) чередования в глагольных и именных формах.

Все подходы к системному анализу морфонологии языка в целом сводимы к двум: выделению большого количества единиц и нескольких тривиальных правил или определению длинного ряда чередований, с помощью которых из малого количества изначальных единиц выводятся остальные. Авторы главы выделяют в мокшанском огромное число чередований, описание большинства из которых, к счастью для читателя, сопровождается примерами. Противоположный путь анализа авторы выбирают в случае показателей фреквентатива, и путь этот, пожалуй, не самый удачный. В главе постулируется наличие пяти разных фреквентативных маркеров. Выделение такого множества показателей невозможно оправдать и действием строго в рамках ранее сформулированных в сборнике правил, т. к., например, для объяснения чередования алломорфов одного из показателей (*-ənd*) используется ранее не упомянутое выпадение *-k*, а также выпадение взрывного зубного в позиции, не регулярной для этого процесса в мокшанском. Более того, авторы книги непоследовательны в решении о количестве показателей фреквентатива: в главе **А. А. Козлова «Фреквентатив»** выделяется уже четыре маркера (*-šənd* и *-ənd* рассматриваются как алломорфы одного показателя).

Вторая часть книги начинается главой **М. А. Холодиловой «Морфология имени»**, в которой описан инвентарь именных грамматических категорий и устройство различных типов именных словоформ. Автор главы выделяет в мокшанском языке 16 падежей, почти все из которых также последовательно приводятся в ранее существующих мордовских грамматиках, правда, с альтернативными названиями (необходимые соответствия терминов отмечены на с. 81). Статус же четырех образований: темпоралиса на *-nda*, атрибутива на *-u/-v* и *-i*, локатива *-ə* и комитатива на *-(ə)n'ək* подробно обсуждается в рамках подхода [Corbett 2012], согласно которому выделяются определённые критерии канонического падежа. Хотя в тексте эксплицитно не сказано о невозможности наделения их падежным статусом, далее они не рассматриваются наравне с другими падежами. В главе отмечается типичное для финно-угорских языков неполное соответствие морфологического числа семантическому. Так, наличие форм, противопоставленных по числу в неопределённом склонении, отмечается только у номинатива (см. таблицу на с. 69), далее (с. 71) формулируются ограничения на числовую референцию у форм вокатива и датива. Возможность последнего в единственном числе реферировать как к единичному предмету, так и к множеству признаётся у ИГ при интерпретации предназначения и цели, а также у аргумента глагола *maksəms* 'дать'. Рассмотрение этих условий раздельно кажется странным, ведь хотя бы в русском различие в семантике между данным глаголом и глаголом *подарить* заключается главным образом в том, что последний предполагает действие как желание сделать что-то приятное, а не передачу предмета, предназначенного/необходимого для чего либо [Селиверстова 2004].

Рассмотрение именных категорий продолжает глава **Е. В. Кашкина «Определенность»**, начинающаяся с обсуждения того, что в данной монографии понимается под определенностью. Эта вводная часть представляется, действительно, необходимой в силу существования множества подходов к употреблению данного термина [Russell 1905, Hawkins 1978, Lyons 1999]. Неясным остается отсутствие рассмотрения подхода к определенности через выделенность в контексте (*salience*) [Lewis 1979], объединяющего упомянутые автором главы подходы через единственность (*uniqueness*) и известность (*familiarity*).

Интересно отметить, что данные мокшанского языка — еще одно подтверждение типологического обобщения, сделанного в [Dayal 2004, 2006]: наличие в языке выраженного маркера определенности, употребляющегося с конкретно-референтными ИГ, подразумевает и его способность появляться в родовых ИГ с вершиной, маркированной показателем единственного числа, реже множественного. Так, в мокшанском родовые подлежащие и прямые дополнения требуют оформления показателем определенности, а не прямые и косвенные дополнения допускают вариативность. Здесь также стоит отметить, что суждение автора главы и указанные примеры относительно косвенных дополнений расходятся: в конце соответствующего раздела (с. 146) делается вывод о том, что определенно маркированные косвенные дополнения могут иметь только определенный, не родовой статус, а на этой же странице пример (92) демонстрирует возможность показателя определенности на косвенном дополнении, которое не может интерпретироваться конкретно-референтно.

Глава **Л. С. Козлова «Локативные падежи»** посвящена функциям мокшанских падежей с локативной семантикой: инессива, латива, иллатива, датива определенного склонения, элатива и пролатива. Вопросы у читателя могут возникнуть в связи с описанием функций инессива. Во-первых, рассмотрение возможности инессивных ИГ кодировать участников сочинительных комитативных конструкций сопровождается примером (с. 164), не отражающим одно из двух свойств таких конструкций согласно работе [Архипов 2005], на которую ссылается автор главы, а именно, согласование глагола по множественному числу «по сумме» двух ИГ. Во-вторых, в обобщающей таблице в конце главы (с. 182) проиллюстрирована только одна из четырех упомянутых ранее в тексте комитативных функций инессива (с. 165): конфектив (неодушевленный спутник).

Заметим, что в главе не упоминаются предыдущие исследования семантики мокшанского инессива. Несмотря на то, что большинство его функций рассмотрено Л. С. Козловым более детально, чем в грамматике [Цыганкин 1980: 166—168] (отмечается, например, его возможность обозначать нахождение на поверхности ориентира только в случае, когда такая локализация наиболее частотна для данного ориентира), функция психологического/физического состояния совсем не обсуждается автором главы, но представлена в более ранней работе.

В следующих главах Д. А. Бикиной «Неопределенные местоимения» и Е. С. Захаровой «Универсальные кванторные слова» обсуждается морфосинтаксис и семантика двух классов именных зависимых, набор функций которых нередко пересекается в языках мира [Татевосов 2002]. В предшествующих работах функции этих единиц описываются не столь подробно [Феоктистов 1966: 207, Цыганкин 1980: 263—265] — во многом потому, что типологический инструментарий для их исследования был разработан только в последние десятилетия.

В первой из этих глав делается смелое заявление о наличии разрыва на семантической карте при распределении функций редуцированных местоимений: утверждается, что они появляются в ирреальных и референтных контекстах с семантикой известности говорящему, однако невозможны в референтных контекстах со значением неизвестности говорящему. Такой вывод иллюстрируется одним неграмматичным примером с немаркированным местоимением *mez'a mez'a* 'что-то' в позиции прямого дополнения (с. 201). Нелишней была бы проверка невозможности этого местоимения в референтных контекстах при неизвестности говорящему также и в случае его маркирования показателем неопределенного генитива, ведь, например, в нереферентных контекстах общих вопросов в позиции прямого дополнения оно оформляется данным маркером (с. 199).

В главе Е. С. Захаровой показано, что мокшанские универсальные кванторные слова, действительно, имеют ряд общих функций с неопределенными местоимениями, а именно *l'ubovaj* может употребляться в контекстах свободного выбора и непрямого отрицания, а *(f)s'akaj* — только в последнем. При обсуждении морфосинтаксиса универсальных кванторных слов автор главы предполагает, что единицы *marn'ak* и *optam* 'целиком' имеют не приименную, а приглагольную природу. Такой вывод делается на основе их свободной линейной позиции и употребления в предложении при отсутствии выраженной квантифицируемой ИГ. Выбор именного анализа для других кванторных слов не обосновывается эксплицитно, даже без обсуждения их способности к дрейфу и поведения при нем, тогда как эти характеристики, согласно [Fitzpatrick 2006; Madariaga 2007], играют важную роль в определении синтаксического статуса кванторных слов.

Глава А. М. Муравьевой и М. А. Холодиловой «Послелого и реляционные имена» включает описание морфологии и синтаксиса послелогов и реляционных имен, границу между которыми авторы главы проводят согласно тому, насколько их парадигмы соответствуют парадигме существительного: у послелогов она редуцирована. Несмотря на подробный анализ данных единиц, хотелось бы отметить непрозрачность выбора глосс для них. Например, реляционное имя *jotka* от существительного со значением 'промежуток' имеет глоссу 'между', а послелог *kuvalma* имеет глоссу 'длина'.

Внимание привлекает описание морфонологических и морфосинтаксических особенностей единицы *t'eja*, ранее только упомянутой в грамматиках [Колядёнков, Заводова (ред.) 1962: 229, 234; Цыганкин 1980: 256, 266] в качестве части особой дативной формы личных и рефлексивного местоимений: *es' t'ejan* ('свой PRON.DAT-1SG.POSS'). Авторы главы приходят к выводу, что по большинству свойств эта единица ближе к падежным показателям, нежели к послелогам.

Главы «Числительные» и «Количественные конструкции», написанные М. А. Сидоровой, посвящены анализу количественных числительных, их дериватов и числовому маркированию существительных в конструкциях с ними (неясно, однако, почему эта информация разделена между двумя главами). Стоит отметить, что, в отличие от традиционного подхода [Колядёнков, Заводова (ред.) 1962; Цыганкин 1980], выделяющего в качестве одного из классов дериватов «собираательные числительные», автор главы делит их на три подкласса: собираательные, агрегативные и групповые. При наличии анализа и кратких дефиниций каждого из них, в главе не приводится большого количества языковых примеров, которые бы четко иллюстрировали семантические противопоставления между ними. Возникают следующие вопросы: что понимается под «собираательностью»: синонимична ли она «коллективности», противопоставляясь «дистрибутивности»; рассматривается ли значение «собираательности» относительно участников во время самого действия или в момент результирующего состояния; имеют ли собираательные числительные так же, как агрегативные, исчерпывающую семантику?

В главе П. С. Плешак и М. А. Холодиловой «Именная группа» рассматривается возможное морфологическое оформление вершины мокшанской ИГ и ее зависимых. Последний раздел посвящен попытке формализовать это описание.

Достаточное внимание в главе уделяется особенностям разных семантических классов номинативных именных зависимых. Среди них выделяются следующие: «целое—часть», «субстанция», «место», «атрибут» и «псевдопартитивное значение». Такая классификация, как представляется, не отражает общих представлений о псевдопартитивных конструкциях, к которым, согласно [Kortjevskaja-Tamm 2001: 525, 530], относятся любые структуры с партитивной интерпретацией, в том числе выделяющиеся в главе в качестве отдельной группы конструкции «целое—часть». Однако даже в случае признания самостоятельности последней группы, критерии отнесения некоторых примеров к тому или иному классу остаются неясными. Например, определение *mar' ked'* 'яблочная кожа' (с. 284) как части целого, а *kusok kši* 'кусочек хлеба' (с. 285) как псевдопартитивной конструкции неочевидно. Более того, в семантику псевдопартитивных конструкций заложено «мерное», нереперентное значение ('Налей два стакана воды!'), в отличие от «контейнерного», при котором мы рассматриваем реперентный контейнер с какой-либо сущностью ('Там стоит стакан воды'). Различие между этими значениями в языках мира нередко влияет на морфосинтаксические особенности конструкций [Kortjevskaja-Tamm 2001; Alexiadou et al. 2007; Борщев, Парти 2011]. Авторы главы игнорируют это и рассуждают о свойствах псевдопартитивных конструкций без опоры на значение.

В рамках формального описания мокшанской ИГ постулируется наличие проекции DP, в пользу чего предлагаются следующие аргументы: запрет на вынос прилагательного из полной DP (маркированной определенным склонением), а также возможное наличие всех типов зависимых, кроме посессоров, вызывающих согласование на вершине. Вопрос о порядке следования данной проекции и посессивной проекции авторы оставляют пока открытым, рассмотрев аргументы за и против различных вариантов анализа.

Глава **М. Ю. Привизенцевой «Эллипсис существительного»** посвящена морфологическому оформлению именных конструкций с элидированной вершиной. Примеры такого типа упоминались и в предшествующих работах (см. ссылки на сс. 317—318, 321 рецензируемой монографии). Однако, несмотря на то что в последние годы эта область теоретического синтаксиса активно развивается и ставит перед исследователями конкретных языков новые вопросы, системного исследования эллиптических конструкций для мокшанского языка ранее не проводилось. В главе (с. 321—322) отмечается и ряд отличий в наборе внутренних и внешних падежных показателей, доступных для элементов конструкции, по сравнению с описаниями предшественников.

Вопреки названию, в главе рассматривается не только именной эллипсис, но и эллипсис с участием глагола и других компонентов предложения. Автор главы отмечает обязательное удаление предиката в случае отсутствия именной вершины при зависимых, оформленных показателем определенного генитива. Немаловажным было бы проанализировать и остальные упомянутые в главе примеры, в которых удаление вершины ИГ сопровождается эллипсисом другого материала, на предмет возможных закономерностей.

В главе также сообщается о различном поведении универсальных кванторных слов *s'emba* и *er'* относительно эллипсиса вершины квантифицируемой ИГ: первое допускает ее удаление во всех падежах единственного числа, второе же запрещает при любых условиях. При этом анализ их позиции (внутри ИГ / адьюнкт к глагольной группе), как и в главе «**Универсальные кванторные слова**», даже не рассматривается как возможный путь объяснения различного поведения данных единиц.

Четвертую часть монографии открывает глава **А. А. Козлова «Морфология глагола»**, излагающая общую систему построения положительных и отрицательных форм мокшанского глагола. Рассматриваются как финитные (индикатив, императив, оптатив, кондиционал), так и нефинитные формы. Конъюнктив, морфологически идентичный имперфекту, рассматривается в главе бегло и даже в общей таблице наклонений (с. 349) записывается в скобках. Несмотря на это, автор главы все же предлагает выделять его в качестве одного из наклонений вслед за традиционными описаниями мордовских языков.

В качестве интересного наблюдения в изучаемом говоре отмечается вариативность некоторых показателей субъектно-объектного спряжения: формы первого лица субъекта, оканчивающиеся на гласный, и формы 3PL.O.3SG.S. имеют также второй вариант с конечным *n/n'*. Выбор между двумя вариантами подчиняется правилу дистантной палатализации, упомянутому в главе «**Морфонология**» (см. NPST.3PL.O.1SG.S *sajn'an'* наряду с *sajn'a*).

Глава **А. А. Козлова и Е. С. Новиковой «Финитные формы индикатива»** посвящена в основном конкуренции форм претерита и имперфекта, а также презенса и конструкции с глаголами *karmams*, *osnavams* и *ušədəms* 'стать' (как утверждается, не имеющими семантических различий) при референции к плану прошедшего и будущего соответственно.

Авторы главы предполагают, что имперфект — маркированный член оппозиции, употребляющийся в контекстах прошедшего времени имперфективного видового ракурса. Претерит же используется во всех ситуациях, имеющих место до момента речи. Авторы главы также отмечают, что единственное от-

личие мокшанского имперфекта от имперфекта в романских языках и латыни — отсутствие у первого вторичных употреблений типа французского *imparfait pittoresque* или латинского *imperfectum de conatu*. Это утверждение, однако, в тексте никак не аргументируется.

При референции к будущему маркированный член оппозиции — конструкции с глаголами, переводящимися на русский как ‘стать’. Основным ограничением для них признается неопределенность ситуации. Презенс же может использоваться во всех ситуациях референции к будущему.

Завершает главу обсуждение причастия, называемого в монографии результативным. В начале отмечается его способность занимать позицию вторичного предиката, что кажется логичным, т. к. результатив традиционно признается одним из двух видов вторичных предикатов наряду с депиктивом [Himmelmann, Schultze-Berndt 2005]. Ранее в монографии, однако, не обсуждалась позиция вторичных предикатов, а приведенный в главе пример (с 409), который переводится на русский как ‘И она легла спать усталая’, скорее можно рассматривать как имеющий прозрачное (*transparent*) значение в терминах [Geuder 2000] (а не депиктивное или результативное), т. е. состояние усталости — мотивация для того, чтобы лечь спать.

Утверждается также, что в имперсональных клаузах результативное причастие утрачивает семантику результата и интерпретируется как перфективное прошедшее (ср. рус. ‘Вчера в клубе кто-то танцевал’). В таком случае оно образуется только от неопределенных основ.

Глава А. А. Козлова «Акциональная семантика основ и деривационный вид» имеет своей целью представить данные об акциональных характеристиках мокшанских глаголов. Автор выделяет в языке восемь основных акциональных классов. Сильные и слабые предельные глаголы, имеющие в числе интерпретаций процесс, теряют это прочтение при маркировании прямого дополнения генитивом определенного или посессивного склонения, вызывающим субъектно-объектное согласование. Таким образом, предельная / неопределенная интерпретация в мокшанском фиксируется оформлением именной, а не глагольной группы.

В главе также рассматривается семантика аспектуальных показателей *-əz’əv*, *-kst*, *-ijə* и *-gəd*. Несмотря на то что в грамматиках [Колядёнков, Заводова (ред.) 1962: 258—270; Цыганкин 1980: 335—344] имеется краткое описание всех указанных маркеров, кроме последнего, А. А. Козлов не упоминает ни существующего обзора данных показателей, ни соответствия их названий, используемых в главе, названиям в работах предшественников.

Хотелось бы также отметить, что данная глава несколько выбивается из общего ряда. С одной стороны, она представляет собой современный взгляд на акциональную систему мокшанского языка в рамках методологии [Татевосов 2010, 2015], ранее не представленный в работах по мокшанскому языку. С другой, использование некоторых терминов в главе спорно. В силу того, что одно и то же понятие в разных лингвистических работах нередко получает различное толкование, и особенно это заметно по отношению к терминам аспектуальных интерпретаций, читателю не всегда ясно, вслед за кем автор главы использует тот или иной термин. Почему для показателя *-əz’əv* в качестве одного из значений постулируется инхоативное, а для маркера *-gəd* — инцептивное? Следует ли автор главы работе [Недялков 1987], в которой инхоатив — начало процесса, а инцептив — начало состояния, или же работе [Плунгян 2011], где инхоатив вводится для любого начала ситуации, а инцептив — для начала процесса или состояния? Однозначно судить о решении автора главы мы не в силах, т. к. для инцептивного показателя приводятся примеры только начала состояния, про начало же процесса ничего не говорится.

В следующей главе А. А. Козлова «Фреквентатив» обсуждаются четыре показателя *-(š)ənd*, *-n’ə*, *s’ə*, *kšn’ə*, объединенных под указанным в названии термином. В главе «Морфонология» их, однако, выделялось пять: *-šənd* и *-ənd* рассматривались как два разных маркера, накладывающие морфонологические ограничения на основу, к которой они присоединяются. Все эти показатели имеют широкий диапазон употреблений, включающий как внутрисобытийные, так и общефактические, хабитуальные и ателисизующие (превращение предельного предиката в неопределенный) контексты. Гипотеза о наличии дистрибутивного значения у данных показателей опровергается автором из-за запрета на их использование в примере с единственностью временного референта (‘сейчас’, с. 442):

- (1) *kafɬə traks-n’ə* *ud-ij-t’* / *#utɕ’-ij-t’* *saraj-sə*
 два корова-DEF.PL спать-NPST.3-PL спать.FREQ-NPST.3-PL сарай-IN
 ‘Две коровы спят в сарае’ {сейчас}.

Автор утверждает, что данные показатели не могут самостоятельно создавать дистрибутивное прочтение в этих контекстах. Такой вывод весьма противоречив, поскольку именно единственность референта времени и места вызывает коллективную интерпретацию [Gil 1982]. Поэтому обсуждаемый запрет

на использование этих маркеров может говорить только об их дистрибутивной семантике, несовместимой с идеей коллективности.

Глава **А. А. Козлова «Наклонения»** представляет описание семантики четырех из пяти выделяемых в мокшанском языке наклонений: императива, оптатива, конъюнктива и кондиционала (индикатив обсуждался ранее в главе «**Финитные формы индикатива**»). Относительно выделяемого набора наклонений автор полемизирует со своими предшественниками (с. 458—461). Расположение главы в монографии кажется не вполне логичным. Исходя из общего устройства системы глагольных категорий, анализ мокшанских наклонений органичнее вошел бы после обсуждения пассива или сразу после рассмотрения индикативных форм.

В главе **С. О. Никифоровой «Каузатив»** по большей части обсуждается семантика и событийная структура чрезвычайно продуктивного морфологического каузативного показателя *-ft*. Единственное ограничение на каузативизацию с ним, отмеченное автором, — предложения, в которых субъект переходного глагола имел роль эффектора, инструмента или стимула. Ранее каузативные конструкции мордовских языков описывались весьма кратко, вопросы их событийной структуры при этом не затрагивались вовсе: см., например, [Чинаева 2012] и приводимую в этой работе литературу.

При обсуждении действия операторов по отношению к каузирующему и каузируемому подсобытиям автор главы утверждает, что отрицание может модифицировать оба. В пользу этого на с. 484 приводится пример:

- (2) *al'e-s'* *iz'-əz'ə* *luv-ft-ə* *kn'iga-t'* *s'ora-nc* *kectə*
 мужчина-DEF.SG NEG.PST-PST.3SG.O.3SG.S читать-CAUS-CN книга-DEF.SG.GEN парень-3SG.POSS.SG.GEN рука.EL
 'Отец не стал заставлять сына читать книгу' / 'Отец заставил сына не читать книгу'.

Однако при учете того, что *-ft* имеет также прочтение пермиссива, вполне вероятно, что отрицание на самом деле модифицирует только каузирующее подсобытие, которое допускает интерпретации как фактитива 'не заставил читать', так и пермиссива 'не разрешил читать' = 'заставил не читать'.

Интересным наблюдением в главе стала особенность, казалось бы, типологически не уникального феномена повторного использования морфологического механизма, кодирующего каузатив [Kulikov 1993]: мокшанские предложения с двойным показателем каузатива допускают интерпретацию одинарной, а не двойной каузации без каких-либо семантических отличий от соответствующих предложений с единичным маркированием. Типологически же распространено возникновение дополнительной семантики принудительности/интенсивности или многократной каузации при дублировании показателя.

Автор следующей главы «**Пассив**» **И. А. Стенин** останавливается на рассмотрении многофункционального пассивного показателя *-əv/-u*, который, как утверждает автор, помимо употреблений в функциях продвигающего и безличного пассива может функционировать как декаузативизатор, а в пассивных конструкциях способен иметь сатуративное, комплетивное, неконтролируемое рефлексивное, инхоативное, автокаузативное значения или модальную семантику возможности. И. А. Стенин также отмечает список основных функций, выделенных ранее в единственной существующей работе, специально посвященной данному показателю [Цигельман 2006]. Несмотря на это упоминание, сравнения двух классификаций в главе не предлагается. Стоит, однако, отметить, что анализ значений, представленный в главе, намного подробнее. Например, И. А. Стенин показывает, что выбор функции показателя зависит не только от контекста и переходности глагола, но и от его предельности.

Кратко коснемся условий дативного маркирования синтаксических актантов конструкции с продвигающим пассивом. В главе утверждается, что при наличии нескольких участников, каузирующих изменение состояния пациенса, одушевленный получает датив, а неодушевленный — инессив (с. 504). Это, однако, несколько противоречит приведенным в тексте примерам. Неодушевленный каузатор может получать дативное оформление вместе с одушевленным, если каузируемый участник и одушевленный каузатор находятся в отношении «часть—целое», как в примере на с. 503:

- (3) *pr'a-c* *pet'-u-s'* *irə'ctə al'e-t'i* *sənger'e čej-t'i*
 голова-3SG.POSS.SG исправить-PASS-PST.3[SG] пьяный.мужчина-DEF.SG.DAT зеленый чай-DAT
 'Пьяный мужчина опохмелился зеленым чаем (букв.: Голова была опохмелена пьяным мужчиной с помощью зеленого чая)'.

Таким образом, одушевленность не может рассматриваться как главный фактор, влияющий на маркирование побочного каузатора. Конкуренция за оформление дативным показателем при пассивизации должна возникать и при дитранзитивных глаголах, у которых изначальные не прямые дополнения не могут продвигаться в позицию подлежащего и маркируются дативом, как и в активном залоге (с. 497).

В главе, однако, не рассматриваются такие примеры с выраженным агентивным участником, который при одноместных и двухместных предикатах может также получать дативное оформление.

Пятую часть монографии «Клауза» открывает глава С. Ю. Толдовой «Предикации с глагольным сказуемым», сконцентрировавшая в себе описание ряда аспектов синтаксиса клаузы, не изученных подробно ранее. В главе охватывается широкий спектр вопросов. Структура изложения, однако, кажется несколько хаотичной. Из-за многочисленного обращения в разных разделах главы к обсуждению кодирования О-участника читателю весьма сложно понять, какие конструкции помимо немаркированных ИГ и маркированных определенным/посессивным генитивом занимают, по мнению автора, позицию прямого дополнения. В таблице на с. 576 конструкции с ИГ в аблативе, неопределенном генитиве и с послелогом *esə* также постулируются как кодирующие прямой объект. Далее, однако, первые две из этих структур не обсуждаются детально, а для последней в обобщении предлагается периферийный синтаксический статус.

В главе повторно рассматривается разрывное положение зависимых и вершины ИГ. Ранее о нем упоминалось в главе «Именная группа» в качестве доказательства того, что мокшанские ИГ определенного склонения — DP-структуры, запрещающие вынос прилагательного. (Не)возможность выноса зависимых из ИГ анализируется здесь как синтаксическое свойство, характерное только для немаркированных субъекта и объекта. Предположение, высказанное в [Pereltsvaig 2013], о том, что в некоторых языках мы имеем дело вовсе не с выносом зависимых, а с эллипсисом повторяющихся компонентов, даже не обсуждается, как и не обсуждается вопрос о существовании в таких случаях отдельно располагающихся зависимых, которые согласовывались бы с вершиной.

Обращает на себя внимание анализ порядка слов, приведенный дважды: кратко в начале главы и подробно в конце. С опорой на размеченный корпус автор главы замечает, что прямые дополнения, оформленные по определенной модели, располагаются в препозиции глагола чаще, чем прямые дополнения, оформленные по неопределенной модели. Само маркирование этого аргумента связывается с его референциальным и информационным статусом. Для выявления последнего, как утверждается, рассматривались только однозначные примеры. Некоторые из них (с. 606—607), однако, кажутся спорными. Так, в предложении ‘Картошку осенью копают. {А ягоды собирают летом}’, где отмечается наличие контрастного топика, графически выделена ИГ *s'oks'ənda* ‘осенью’, являющаяся скорее фокусом (о взаимном расположении контрастного топика и фокуса см. [Neeleman et al. 2010]).

Глава М. А. Холодиловой «Именная предикация» основана на статье [Kholodilova 2016], посвященной правилам числового и лично-числового маркирования именных предикатов. Ранее эта проблематика существенно более подробно рассматривалась для эрзянского языка (см. в частности [Tugunen 2009]), чем для мокшанского. В мокшанском существуют как аналитические номинативные и транслативные именные предикаты со связкой *ul'əms* ‘быть’, так и синтетические именные предикаты с глагольными согласовательными маркерами и именным числом. Эти показатели, как отмечает автор главы, способны смещаться на другие составляющие, если те находятся в фокусе. Кажется, однако, нельзя точно утверждать, что решающую роль в расположении согласовательных маркеров играет именно фокус, а не контраст. Автор главы не указывает, на какую систему понятий опирается описание информационной структуры. При этом в понимании [Lee 2003; Büring 2016 и др.] общие вопросы при контекстно подразумеваемом множестве ответов могут задавать контрастный топик (с. 619):

- (4) — *kijə ul'-s' kusə?*
кто быть-PST.3[SG] дом.IN
a. — *mon kusə-l'-ən'*
я дом-IMPF-PST.1SG
b. — *mon-əl'-ən' kusə*
я-IMPF-PST.1SG дом.IN
{‘Кто был дома?’; ‘Я был дома’}

В данном примере *mon* ‘я’ выбирается из предполагаемых обитателей и может нести согласовательные показатели, в отличие от случая контрастного фокуса на именном предикате, где маркирование *mon* ‘я’ приводит к неграмматичности предложения (с. 619):

- (5) — *ton ul'-ət lavka-sə?*
ты быть-PST.2SG магазин-IN
a. — *mon kusə-l'-ən'*
я дом-IMPF-PST.1SG
b. — **mon-əl'-ən' kusə*
я-IMPF-PST.1SG дом.IN
{‘Ты был в магазине?’; ‘Я был дома’}

В главе также обсуждаются правила допустимости и обязательности числовых и личных показателей на именных предикатах в зависимости от контекста и типа предиката. Стоит отметить особую полезность таблицы (с. 632), обобщающей ряд нетривиальных правил.

Заключительная глава части «Клауза» **С. Ю. Толдовой** и **Т. А. Шалгановой** («Рефлексив») посвящена морфосинтаксическим особенностям синтаксических анафоров. Данные некоторых других уральских языков, включая эрзянский (на материале шокшинского диалекта), были рассмотрены в [Волкова 2012], однако для мокшанского языка свойства рефлексивных конструкций подробно не анализировались. Особенно интересными кажутся некоторые выводы о составном посессивно оформленном возвратном местоимении *es' pr'anc*. Во-первых, в отличие от русского, оно возможно в контекстах расщепленного антецедента ((6), с. 650). Во-вторых, в пассивных конструкциях *es' pr'anc* может контролироваться смещенным в дативную позицию субъектом:

- (6) *maša_i az-ənd-əz'ə* *pet'ε-n'd'i_j es' pr'a-sna-n_{i+j}* *kolga*
 Маша сказать-FREQ-PST.3SG.O.3SG.S Петя-DAT свой голова-3PL.POSS-GEN про
 'Маша рассказала Пете о себе', где 'о себе' — 'о них самих (Маше и Пете)'.

Глава **М. А. Холодиловой** «Типы полипредикативных конструкций» открывает шестую часть монографии «Полипредикация» и содержит общие сведения о сложных предложениях как с нефинитными структурами, так и с финитными при наличии союза и его отсутствии. Автор главы делает утверждение о сходстве системы полипредикации мокшанского языка и языков средневропейского стандарта (SAE), основываясь, в частности, на [Haspelmath 2001]. Ранее в работах по мордовским языкам упоминалось только влияние русского языка на синтаксис мокшанских полипредикативных конструкций [Лыткин и др. 1974: 337], однако сравнения с набором признаков языков SAE нигде не приводилось. М. А. Холодилова, опираясь на корпусные данные и литературные тексты, основывает свое мнение на симулятивном использовании лексемы со значением 'как' (ср. мокш. *koda*) и наличии относительных местоимений. Остальные характерные особенности полипредикации в языках SAE, упомянутые М. Хаспельматом, однако, не обсуждаются для мокшанского. Такие признаки, как наличие постпозитивных относительных предложений с вершинами, оформленными падежными показателями, а также сравнительной конструкции с союзом со значением 'чем' (ср. мокш. *ċem* < рус.), в свою очередь, также свидетельствуют о сходстве мокшанского с языками SAE.

Таблицы в начале главы (с. 656—657), представляющие инвентарь полипредикативных конструкций, могут ввести читателя в некоторое заблуждение, т. к. сначала отмечается финитность всех относительных структур и нефинитность обстоятельственных, а затем приводятся конструкции (с результативными причастиями и коннегативом), кодирующие оба типа структур.

В главе **А. Д. Егоровой** «Сентенциальные актанты» (СА) уделяется пристальное внимание аргументам, имеющим клаузальную структуру. Один из главных выводов, сделанный после рассмотрения возможных модификаторов нефинитных СА, позиции актантов относительно их вершины и т. д., заключается в наибольшем тяготении номинализации на *-əta* к «именному» полюсу, а формы на *-əms* к «глагольному». Промежуточный статус получают инфинитивы на *-əta* и *-əmdə*.

Немаловажную роль при анализе синтаксических отношений клауз играет допустимость субъектно-объектного спряжения на матричном предикате как показателя согласования с зависимой клаузой. Автор главы сначала (с. 682) постулирует его запрет при нефинитных СА, не являющихся номинализациями, самостоятельно вызывающими согласование. В последующих разделах, однако, утверждается, что при определенных условиях допустимо и субъектно-объектное спряжение главного предиката с формами на *-əms* и *-əmdə*, которое вызывают их актанты.

Следующая глава **М. Ю. Привизенцевой** «Финитные относительные предложения» (ОП) посвящена как ОП с внешней вершиной, так и коррелятивам, которые не образуют составляющей с главной клаузой и располагаются на левой периферии предложения. В некоторое замешательство вводят рассуждения относительно конструкций с аппозитивной интерпретацией. В начале (сноска на с. 708) говорится только о возможности их анализа (в зависимости от теоретического подхода) в качестве ОП с внешней вершиной. Затем, однако, наличие аппозитивного прочтения у конструкций *attractio inversa* в мокшанском и у похожих конструкций в ингерманландском финском и удмуртском выдвигается как главный аргумент против того, чтобы считать их ОП с внутренней вершиной. Интересно, что коррелятивы в мокшанском так же, как в шокшинском эрзянском и бесермянском удмуртском, допускают отсутствие коррелята, несмотря на предположение о его обязательности в языках мира, выдвинутое в [Srivastav 1991: 648—650].

В главе **Н. А. Муравьёва** «Деепричастные конструкции» описывается семантика и морфосинтаксис структур с пятью мокшанскими глагольными формами, которые могут быть вершинами обстоятель-

ственных клауз: элативной *-əms̥tə*, иллативной *-əms* и эквативной *-əms̥ka* форм инфинитива и форм на *-əmtək* и *-əz'*. Автор главы подробно обсуждает распределение данных единиц по функциям семантической зоны таксиса. Отличие значения 'одновременности', выявленного у посессивного варианта иллативной формы, от значения 'сопровождающее обстоятельство' у *-əz'* предполагается в наличии у первого функции возможности зависимой ситуации задавать временную рамку для главной. Для некоторых из приведенных мокшанских примеров, однако, был бы полезен дополнительный комментарий о том, почему в них выделено соответственно первое значение в ((7), с. 734) и второе значение в ((8), с. 735):

- (7) *mus'k-əmtə-zə-nzə* *son mora-s'*
стирать-INF-ILL-3SG.POSS он петь-PST.3[SG]
'Она, пока стирала, пела'.
- (8) *son mol'-s'* *ki-t'* *ezga* *vešk-ən'd'-əz'*
он идти-PST.3[SG] дорога-DEF.SG.GEN в.PROL свистеть-FREQ-CONV-ATD
'Он шел по дороге, насвистывая'.

Из морфосинтаксических характеристик рассматриваемых конструкций хотелось бы отметить возможность разнособъектности в главной и зависимой клаузах у всех форм, кроме конверба на *-əz'*. Наличие в языке двух типов единиц, противопоставленных по этому признаку, автор главы отмечает в своей диссертации [Муравьев 2017] также в некоторых других уральских языках: хантыйском (на материале западных диалектов) и коми-зырянском.

А. Н. Закирова в главе «**Номинализации**» подробно останавливается на глагольных дериватах с показателем *-əma*. Ранее в [Колядёнков, Заводова (ред.) 1962 : 170—172; Цыганкин 1980: 105—106] была упомянута только продуктивность таких образований и описаны основные значения. Автор главы, в свою очередь, анализирует их синтаксический статус при различных интерпретациях. При событийной номинализации проявляет больше именных свойств: во всех склонениях она изменяется по падежам, может оформляться именными зависимыми, ей доступны все позиции обычной ИГ. При дебитивной же, напротив, номинализация занимает предикативную позицию, присоединяет лично-числовые показатели и сочетается только с глагольными модификаторами.

Автор главы также сравнивает номинализации с результативными дериватами на *-f*, показывая, что последние не употребляются в событийных контекстах за исключением образований от глаголов звука и говорения. Остается, однако, неясным, почему эти образования, а конкретно пример с имперсональным пассивом от глагола *kul'əms* 'слышать', рассматривается как имеющий событийную структуру, а не обозначающий состояние даже при эксплицитно заданной временной референции (с. 767):

- (9) *kodamə bəd'ə kaštər-f* *kul'-əv-s'* *kolmə čast-t*
какой INDEF шелестеть-PTCP.RES слышать-PASS-PST.3[SG] три час-PL
'Какой-то шорох было слышно три часа'.

Глава **М. А. Холодиловой** «**Сравнительные конструкции**» завершает часть, посвященную полипредикации в мокшанском. Среди основных выводов, к которым приходит автор, можно выделить широкую частеречную сочетаемость сравнительных и суперлативных конструкций: с некоторыми ограничениями они употребляются как с прилагательными, так и с существительными, глаголами, наречиями. Несмотря на подробное рассмотрение контекстов различных показателей компаратива и стандарта сравнения, автор даже не обсуждает причины помещения данной главы в часть про полипредикацию и не анализирует возможные механизмы эллипсиса в сравнительных конструкциях [Lechner 2004; Corver 2006].

Результат изучения лексики в мокшанском языке, над которым работало большинство участников экспедиции, а именно **Е. В. Кашкин, У. Ю. Багрянская, М. А. Бибаева, Д. А. Бикина, А. А. Бобрёнова, А. Д. Егорова, Д. О. Жорник, А. Н. Закирова, А. А. Козлов, А. А. Мельник, А. М. Муравьева, С. О. Никифорова, Е. С. Новикова, М. Ю. Привизенцева, М. А. Сидорова, Т. А. Шалганова**, воплотился в седьмую часть монографии «**Лексика**», где приводится целый ряд новых сведений о сочетаемости и семантике лексем мокшанского языка по сравнению с данными, доступными в опубликованных источниках, в первую очередь в словарях. Эту часть открывает глава **Е. В. Кашкина** «**Принципы описания лексики: теоретические подходы**». Преимущественно в ней обсуждаются основные положения и достоинства выбранного подхода описания лексики, а именно сочетаемостного [Апресян 1974; Рахилина, Резникова 2013]. Автор главы также отмечает, что данный подход предполагает изучение не только прямых употреблений, но и семантических сдвигов (метонимических, метафорических и др.).

Большое внимание уделяется **признаковой лексике** (соответствующая глава написана коллективом из 14 авторов), некоторые семантические зоны которой содержат типологически нетривиальные проти-

вопоставления. Авторы отмечают, например, использование одной лексемы *od* для значений ‘молодой’ и ‘новый’, лексемы *ser'i* для значений ‘высокий’ и ‘глубокий’, но не для водоемов, заполненных водой. Это ограничение кажется, однако, несколько неоправданным.

- (10) *al'e-s'* *šuv-s'* *kərka* / *ser'i* *lotka*
 мужчина-DEF.SG рыть-РСТ.3[SG] глубокий глубокий яма
 ‘Мужик вырыл глубокую яму’.

- (11) *volga-s'* *kərka* / **ser'i* *l'ej*
 Волга-DEF.SG глубокий глубокий река
 ‘Волга — глубокая река’.

Опираясь только на приведенные примеры (с. 817): (10), где *ser'i* возможно, и (11), где это прилагательное не используется, можно также заключить, что различие сводится к наличию/отсутствию функциональности, как между контекстами ‘острый нож’ с прилагательным *orža* и ‘острый нос’ с прилагательным *pika* (с. 825).

Итоги главы «Глаголы звука» (ее авторы — Е. В. Кашкин и С. О. Никифорова) лишний раз показывают эффективность именно сочетаемостного анализа в сравнении со стимульным, не рассматривающим контекст. Так, незвуковые элементы ситуации влияют на развитие значения ‘грозить кому-то кулаком/пальцем’ у глагола *torams*, описывающем в первом значении звук грома.

Следующая глава данной части, написанная Д. О. Жорник и А. Д. Егоровой, посвящена глаголам падения. Для противопоставления основных глаголов этого поля (*prams*, *pejer'ams*, *vel'ams* и *put'ks'ams*) достаточным кажется выявление типа субъекта, начальной и конечной точек. Различие периферийных глаголов, как предполагают авторы, обусловлено весьма нетривиальными параметрами: наличием сильного удара, специфичного звука при падении — и требует дальнейшего изучения.

Особую значимость имеет обсуждение мокшанских **терминов родства** (автор главы — А. А. Мельник), ведь система обозначений родственных отношений в финно-угорских языках очень богата и активно изучается на протяжении многих лет. Несмотря на тщательный анализ номенклатуры в соответствии с критериями, выделенными в [Kroeber 1909], в главе несколько не хватает хотя бы краткого сравнения с существующими данными в родственных языках, например эрзянском [Арискина, Фомина 2016].

Заключительная часть представляет собой восемь образцов текстов и ряд фотографий, на которых изображены как экспедиционеры, так и информанты, в том числе за работой.

3. Общие замечания

3.1. Структура изложения

Рецензируемая монография затрагивает впечатляющее множество аспектов мокшанского языка, которые ранее не обсуждались или были рассмотрены в недостаточной мере. Кажется, однако, что сокращение некоторых пассажей, содержащих повторяющиеся рассуждения, не повлияло бы на качество работы. Например, на с. 464 и с. 466 почти дословно повторяется информация о способности конъюнктива и оптатива оформлять целевые придаточные с союзом *štoba* ‘чтобы’, который в случае оптатива можно опустить.

Обобщающие таблицы, присутствующие почти в каждой главе, невероятно облегчают усвоение основного текста. Тем не менее, уменьшение числа критериев, обозначающих одно и то же, также бы улучшило восприятие. В таблице, представляющей характеристики некоторых матричных предикатов при именных прямых дополнениях и сентенциальных актантах (с. 703—706), графы ‘первичный/вторичный предикат’ (P/S) и ‘ИГ как оформление зависимого’ устанавливают тривиальное соответствие: если предикат вторичный, в графе ИГ ‘—’, иначе указан ее возможный падеж. Таким образом, удаление первой из упомянутых граф не повлияло бы на содержание. Опускание глосс и перевода в некоторых таблицах (с. 368—374), напротив, кажется поспешным и может оттолкнуть читателя.

3.2. Согласованность суждений

При написании одной книги большим количеством исследователей, использующих порой различные подходы, весьма сложно сохранить описание единообразным. Помимо уже упомянутого выделения разного количества фреквентативных показателей, хотелось бы отметить игнорирование кватернарной классификации исчисляемости, выделенной в главе «Морфология имени» вслед за [Сердюкова 2017].

Единожды упомянув наличие четырех классов в мокшанском, авторы глав все равно продолжают использовать бинарную классификацию (исчисляемый/неисчисляемый объект: с. 169, 206, 210, 316).

3.3 Статистика

Нельзя не отметить, что многие утверждения аргументируются не только элицитированными примерами, но и корпусными данными, подвергнутыми статистической обработке. В некоторых подсчетах, однако, допущены неточности: значение χ^2 связи оформления прямого дополнения и его информационного статуса — 27.56 (не 24,864, как указано на с. 607), а процент вхождений местоимения *kona* 'который' с посессивным оформлением в относительных предложениях по КМТ — 10,5% (не 12%: с. 717). Тем не менее указанные погрешности статистически не значимы.

3.4 Редактура

Необходимо отдельно отметить объем работы редакторов монографии, с которым они справились успешно. Опечатки встречаются редко и не мешают восприятию текста. Вызывает сомнения использование помет '??' и '??', вместо применяемой во многих работах пометы '%' при обозначении расхождения во мнениях у носителей касательно того или иного суждения.

Несмотря на указанные выше недостатки и неточности, рецензируемая книга — ценный материал как для специалистов по уральским языкам, так и для типологов, занимающихся фонологией, морфологией, синтаксисом, семантикой и информационной структурой. В этот результат внесли свой вклад более 60 студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников, а также более 30 информантов, которым мы можем только выразить огромную благодарность за помощь в сохранении многолетней традиции полевых исследований и постижении загадок их родного языка.

Сокращения

Глоссы

1, 3 — 1, 3 лицо	NEG — отрицание
ATD — сопутствующее обстоятельство	NMLZ, NZR — номинализатор
CAUS — каузатив	NPST — непрошедшее время (презент)
CN — коннегатив	O — объект
CONV, CVB — дееспричастие	PASS — пассив
DAT — датив	PL — множественное число
DEF — определенность	POSS — посессивный показатель
EL — элатив	PROL — пролатив
FREQ — фреквентатив	PRON — основа личных местоимений
GEN — генитив	PST — прошедшее время (претерит)
ILL — иллатив	PTCP — причастие
IMPF — имперфект	RES — результатив
IN — инессив	S — субъект
INDEF — неопределенность	SG — единственное число
INF — инфинитив	

Литература

- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. (Перепечатано в 1995). {*Aprèsyan Ju. D.* Lexical semantics. Means of synonymy in Russian. Moscow, 1974.}
- Арискина, Фомина 2016 — *Арискина Т. П., Фомина А. М.* Система терминов родства в эрзянском и венгерском языках (на материале эпоса «Масторава» / “Masztorava”) // Финно-угорский мир. № 1 (26). Саранск: 2016. С. 6—11. {*Ariskina T. P., Fomina A. M.* The system of kinship terms in the Erzya and Hungarian languages (based on the epic "Masztorava") // The Finno-Ugric world. 1(26). Saransk, 2016. P. 6—11.}

- Архипов 2005 — *Архипов А. В.* Типология комитативных конструкций: дис. ... канд. филол. н. М., 2005. {*Arhipov A. V.* Typology of comitative constructions. PhD thesis. Moscow, 2005.}
- Бабушкина 1966 — *Бабушкина Р. В.* Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Ред. *М. Н. Колядёнков, С. З. Деваев.* Очерки мордовских диалектов. Т. IV. Саранск, 1966. С. 16—225. {*Babushkina R. V.* Temyashevsky dialect of the Moksha-Mordovian language // Essays on Mordovian dialects. Vol. IV / Eds. *M. N. Kolyadenkov, S. Z. Devaev.* Saransk, 1966. P. 16—225.}
- Борщёв 2001 — *Борщёв В. Б.* За языком. М., 2001. {*Borsh'ov V. B.* Za jazykom. Moscow, 2001.}
- Борщёв, Парти 2011 — *Борщёв В. Б., Парти Б. Х.* Генитив меры в русском языке, типы и сорта // Ред. *И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин.* Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2011. С. 95—137. {*Borsh'ov V. B., Partee B. H.* The genitive of measure in Russian, types and sorts // Eds. *I. M. Boguslavskij, L. L. Iomdin, L. P. Krysin.* Word and language: Collection of articles for the 80th anniversary of academician Yu. D. Apresyan. Moscow, 2011. P. 95—137.}
- Бубрих 1953 — *Бубрих Д. В.* Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953. {*Bubrih D. V.* Historical grammar of the Erzya language. Saransk, 1953.}
- Волкова 2012 — *Волкова А. А.* Синтаксические особенности возвратных местоимений в финно-угорских языках // Ред. ред. *А. И. Кузнецова.* Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. М., 2012. С. 543—590. {*Volkova A. A.* Syntactic features of reflexive pronouns in Finno-Ugric languages // Ed. *A. I. Kuznetsova.* Finno-Ugric languages: Fragments of grammatical description. Moscow, 2012. P. 543—590.}
- Евсеев 1929 / 1963 — *Евсеев М. Е.* Избранные труды. Т. 4. Основы мордовской грамматики. Саранск, 1963. (1-е изд. — 1929). {*Evsev'jev M. E.* Selected works. Vol. 4. The basis of the Mordovian grammar. Saransk, 1963. (1st ed. — 1929).}
- Кибрик 1999 — Элементы цахурского языка в типологическом освещении // Ред.-сост. *А. Е. Кибрик.* М., 1999. {Elements of the Tsakhur language in a typological perspective // Ed. *A. E. Kibrik.* Moscow, 1999.}
- Кибрик 2001 — Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари // Ред.-сост. *А. Е. Кибрик.* М., 2001. {Bagvalal language: Grammar. Texts. Dictionaries // Ed. *A. E. Kibrik.* Moscow, 2001.}
- Кибрик 2005 — *Кибрик А. Е.* Опыт ОТиПЛа (филфак МГУ) в изучении малоописанных языков // Ред. *А. Е. Кибрик.* Малые языки и традиции: Существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. М., 2005. С. 53—71. {*Kibrik A. E.* OtiPL experience in studying little-described languages // Ed. *A. E. Kibrik.* Minor languages and traditions: Existence on the edge. Iss. 1. Linguistic problems of preservation and documentation of small languages. Moscow, 2005. P. 53—71.}
- Кибрик 2007 — *Кибрик А. Е.* Диалог лингвиста с носителем: В поисках полевого метода и формата лингвистического описания // Сост. *Л. О. Зайонц.* «На меже меж Голосом и Эхом». Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 308—328. {*Kibrik A. E.* Dialogue of a linguist and native speaker: in search of a fieldwork method and format for linguistic description // Comp. *L. O. Zayonts.* “Between the Voice and the Echo”. Collection of articles in honor of Tatyana Vladimirovna Tsivyan. Moscow, 2007. P. 308—328.}
- Кибрик 2008 — *Кибрик А. Е.* Экспедиционные истории 2: Начало дагестанских сопоставительных штудий (1973) // Фонетика и нефонетика: К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008. С. 23—32. {*Kibrik A. E.* Expedition stories 2: Beginning of Dagestan studies (1973) // Phonetics and non-phonetics: To the 70th anniversary of Sandro V. Kodzasov. Moscow, 2008. P. 23—32.}
- Кибрик 2010 — *Кибрик А. Е.* Экспедиционные истории 3: Продолжение дагестанских сопоставительных штудий (1974—1977) // Отв. ред. *В. З. Демьянков, В. Я. Порхомовский.* В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл. Сборник статей в честь 70-летия В. А. Виноградова. М., 2010. С. 807—842. {*Kibrik A. E.* Expedition stories 3: Continuation of Dagestan studies (1974—1977) // Eds. *V. Z. Demyankov, V. Ya. Porkhomovsky.* In the space of language and culture: Sound, sign, meaning. Collection of articles in honor of the 70th anniversary of V. A. Vinogradov. Moscow, 2010. P. 807—842.}
- Кибрик 2011 — *Кибрик А. Е.* Экспедиционные истории 4: Завершение дагестанских сопоставительных штудий (1978—1984) // Отв. ред. *И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин.* Слово и язык. Сборник статей к 80-летию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2011. С. 422—445. {*Kibrik A. E.* Expedition stories 4: Completion of Dagestan studies (1978—1984) // Eds. *I. M. Boguslavsky, L. L. Iomdin, L. P. Krysin.* Word and language. A collection of articles on the 80th anniversary of academician Yu. D. Apresyan. Moscow, 2011. P. 422—445.}
- Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000 — *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А.* Язык и фольклор алыторцев. М., 2000. {*Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Muravyeva I. A.* Language and folklore of the Alutor. Moscow, 2000.}
- Кибрик и др. 1972 — *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловьянникова И. П.* Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972. {*Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Olovyannikova I. P.* Fragments of the grammar of Khinalug. Moscow, 1972.}
- Колядёнков, Заводова (ред.) 1962 — *Колядёнков М. Н., Заводова Р. А.* (ред.) Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. 1. Фонетика и морфология. Саранск, 1962. {*Kolyadyonkov M. N., Zavadova R. A.* (eds.). Grammar of the Mordovian (Moksha and Erzya) languages. Part 1. Phonetics and morphology. Saransk, 1962.}

Кузнецова и др. (ред.) 2012 — Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы / Отв. ред. А. И. Кузнецова. Ред. Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина. М., 2012. {Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description. Formal and functional approaches / Ed. A. I. Kuznetsova, N. V. Serdobolskaya, S. Yu. Toldova, S. S. Saj, E. Yu. Kalinina. Moscow, 2012.}

Лыткин и др. 1974 — Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редеи К. (ред.) Основы финно-угорского языкознания. М., 1974. [ОФУЯ] {Lytkin V. I., Majtinskaja K. E., Rédei K. (eds.). Basics of Finno-Ugric linguistics. Moscow, 1974. [OFUJA]}

Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006. {Lyutikova E. A., Tatevosov S. G., Ivanov M. Ju., Pazel'skaja A. G., Shluinskij A. B. Event structure and verb semantics in the Karachay-Balkar language. Moscow, 2006.}

МДТЯ 2007 — Мишарский диалект татарского языка: Очерки по синтаксису и семантике / Ред. Е. А. Лютикова, К. И. Казенин, В. Д. Соловьев, С. Г. Татевосов. Казань, 2007. {Mishar dialect of the Tatar language: syntax and semantics. / Eds. E. A. Lyutikova, K. I. Kazenin, V. D. Solovuyev, S. G. Tatevosov. Kazan, 2007.}

Муравьев 2017 — Муравьев Н. А. Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. {Muravyov N. A. Taxis and taxic forms in the world's languages : taxonomy and typology. PhD thesis. Moscow, 2017.}

Недялков 1987 — Недялков В. П. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Ред. А. В. Бондарко. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 30—39. {Ned'alkov V. P. Inchoative aspect and its means of expression in different types of languages // Ed. A. V. Bondarko. Theory of functional grammar. Introduction. Aspects. Temporary localization. Taxis. L., 1987. P. 30—39.}

Орнатова 1838 — Орнатова П. Мордовская грамматика. М., 1838. {Ornatov P. Mordovian grammar. Moscow, 1838.}

Плаксына 2002 — Плаксына Т. А. Ареальное исследование северо-западных говоров мокша-мордовского языка: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2002. {Plaksina T. A. Areal research of North-Western dialects of the Moksha-Mordovian language. PhD thesis. Saransk, 2002.}

Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. М., 2011. {Plungian V. A. Introduction to grammatical semantics. Moscow, 2011.}

Плунгян, Фёдорова 2017 — Плунгян В. А., Фёдорова О. В. Жизнь как экспедиция: сборник статей к 50-летию школы полевой лингвистики А. Е. Кибрика и С. В. Кодзасова. Т. 1—2. М., 2017. {Plungian V. A., Fjodorova O. V. Life as an expedition: a collection of articles for the 50th anniversary of A. E. Kibrik and S. V. Kodzasov school of field linguistics. Vol. 1—2. Moscow, 2017.}

Поляков 1993 — Поляков О. Е. Русско-мокшанский разговорник. Саранск, 1993. {Poliakov O. E. Russian-Moksha Phrase Book. Saransk, 1993.}

Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013, 2. С. 3—31. {Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Frame-based approach to lexical typology // Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language). 2013, 2. P. 3—31.}

Рахилина, Тестелец (ред.) 1999 — Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика / Ред. Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец. М., 1999. {Typology and theory of language: from description to explanation. To the 60th birthday of A. E. Kibrik / Eds. E. V. Rakhilina, Ya. G. Testeleits. Moscow, 1999.}

Сай и др. (ред.) 2009 — Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская. СПб., 2009. (=Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. V. Часть 2. СПб., 2009.) {Studies on the grammar of the Kalmyk language / Eds. S. S. Saj, V. V. Baranov, N. V. Serdobol'skaya. SPb., 2009. (=Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of Institute for Linguistic Studies, RAS. Vol. V. Part 2. SPb., 2009.)}

Селиверстова 2004 — Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М., 2004. {Seliverstova O. N. The studies on semantics. Moscow, 2004.}

Сердюкова 2017 — Сердюкова А. И. Именное число в мокшанском языке в типологическом освещении. Дипломная работа бакалавра. М., 2017. {Serd'ukova A. I. Nominal number marking in Moksha in typological perspective. Bachelor thesis. Moscow, 2017.}

Серебренников 1967 — Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М., 1967. {Serebrennikov B. A. Historical morphology of the Mordovian languages. Moscow, 1967.}

Татевосов 2002 — Татевосов С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М., 2002. {Tatevosov S. G. Semantics of noun phrase constituents: quantifier words. Moscow, 2002.}

Татевосов (ред.) 2009 — Тубаларские этюды / Ред.-сост. С. Г. Татевосов. М., 2009. {Tubalar studies / Ed. S. G. Tatevosov. Moscow, 2009.}

Татевосов 2010 — Татевосов С. Г. Первичное и вторичное в структуре имперфективов // Труды института лингвистических исследований. Т. VI. Ч. 2. СПб., 2010. С. 299—321. {Tatevosov S. G. Primary and secondary in the structure of imperfectives // Proceedings of Institute for Linguistic Studies, RAS. Vol. VI. Part 2. SPb., 2010. P. 299—321.}

- Татевосов 2015 — *Tatevosov S. G.* Акциональность в лексике и грамматике: Глагол и структура события. М., 2015. {*Tatevosov S. G.* Actionality in vocabulary and grammar: Verb and event structure. Moscow, 2015.}
- Тестелец (отв. ред.) 2009 — Аспекты полисинтезизма: Очерки по грамматике адыгейского языка // Отв. ред. Я. Г. Тестелец. М., 2009. {*Aspects of polysynthesisism: Essays on the grammar of the Adyghe language* // Ed. Ja. G. Teselec. Moscow, 2009.}
- Феоктистов 1966 — *Феоктистов А. П.* Мордовские языки // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. Т. III. С. 199—220. {*Feoktistov A. P.* The Mordovian languages // Languages of the Peoples of the USSR. Finno-Ugric and Samoyedic languages. Moscow, 1966. Vol. III. P. 199—220.}
- Феоктистов 1990 — *Феоктистов А. П.* Дialectы мордовских языков // Paasonens H. Mordwinisches Wörterbuch. Bd, I: A—J. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. LX—LXXXVI, 1990. С. 178—189. {*Feoktistov A. P.* Dialects of the Mordovian languages // Paasonens H. Mordwinisches Wörterbuch. Bd, I: A—J. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. LX—LXXXVI, 1990. P. 178—189.}
- Цигельман 2006 — *Цигельман К.* Mokšan kielen v-johtimesta // Финно-угристика — 7: Актуальные вопросы восточных финно-угорских языков. Материалы научной конференции «Актуальные вопросы восточных финноугорских языков», посвященной 80-летию профессора Цыганкина Д. В. (г. Саранск, 25—27 октября 2005 г.). Саранск, 2006. С. 303—309. {*Ziegelmann K.* Mokšan kielen v-johtimesta // Finno-Ugristic studies 7: Topical issues of Eastern Finno-Ugric languages. Materials of the scientific conference “Topical issues of Eastern Finno-Ugric languages”, dedicated to the 80th anniversary of Professor Tsygankin D. V. (Saransk, October 25—27, 2005). Saransk, 2006. P. 303—309.}
- Цыганкин 1980 — *Цыганкин Д. В.* (ред.) Грамматика мордовских языков. Фонетика. Графика. Орфография. Морфология. Саранск, 1980. {*Tsygankin D. V.* (ed.) Grammar of the Mordovian languages. Phonetics. Graphics. Spelling. Morphology. Saransk, 1980.}
- Чинаева 2012 — *Чинаева Н. В.* Способы выражения каузативных отношений в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках // Молодой ученый. 2012. № 1. Т. 2. С. 33—36. {*Chinaeva N. V.* Ways of expressing causative relations in the Mordovian (Moksha and Erzya) languages // Young scientist. 2012. № 1. Vol. 2. P. 33—36.}
- Щанкина, Кочеваткин, Мишина 2011 — *Щанкина В. И., Кочеваткин А. М., Мишина С. А.* Русско-мокшанско-эрзянский словарь. Самара, 2011. {*Sh'ankina V. I., Kochevatkin A. M., Mishina S. A.* Russian-Moksha-Erzya dictionary. Samara, 2011.}
- Alexiadou et al. 2007 — *Alexiadou A., Haegeman L., Stavrou M.* Semi-functional categories: The N-of-N construction and the Pseudo-Partitive construction // *Alexiadou A., Haegeman L., Stavrou M.* (eds.) Noun Phrase in the Generative Perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 395—472.
- Büring 2016 — *Büring D.* (Contrastive) Topic // *Caroline Féry and Shin Ishihara.* (eds.) Handbook of Information Structure. Oxford University Press. 2016. P. 64—85.
- Collinder 1957 — *Collinder B.* Survey of the Uralic languages. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1957.
- Corbett 2012 — *Corbett G.* Features. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Corver 2006 — *Corver N.* Comparative deletion and subdeletion // *M. Everaert and H. van Riemsdijk.* (eds.) The Blackwell companion to syntax, Malden: Blackwell, 2006. P. 553—621.
- Dayal 2004 — *Dayal V.* Number Marking and (in)Definiteness in Kind Terms // *Linguistics and Philosophy.* 2004, 27. P. 393—450.
- Dayal 2006 — *Dayal V.* Semantic Variation and Pleonastic Determiners: The Case of the Plural Definite Generic // *Proceedings of V Asian GLOW,* 2006.
- Fitzpatrick 2006 — *Fitzpatrick J.* The syntactic and semantic roots of floating quantification: doctoral thesis. Cambridge, MA: MIT Pres, 2006.
- Geuder 2000 — *Geuder W.* Oriented Adverbs: Issues in the Lexical Semantics of Event Adverbs: PhD thesis. Universität Konstanz, 2000.
- Gil 1982 — *Gil D.* Distributive numerals: PhD thesis. Los Angeles, CA: UCLA, 2000.
- Haspelmath 2001 — *Haspelmath M.* The European linguistic area: Standard Average European // *Language Typology and Language Universals (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Vol. 20.2).* Berlin: De Gruyter, 2001. P. 1492—1510.
- Hawkins 1978 — *Hawkins J.* Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction. London: Croom Helm, 1978.
- Himmelman, Schultze-Berndt 2005 — *Himmelman N. P., Schultze-Berndt E. F.* Secondary Predication and Adverbial Modification: The Typology of Depictives. Oxford, 2005.
- Kholodilova 2016 — *Kholodilova M.* Moksha non-verbal predication // *K. Shagal and H. Arjava.* (eds.) Mordvin Languages in the Field. Helsinki: University of Helsinki, 2016. P. 229—260
- Kibrik 1996 — Godoberi (Lincom Studies in Caucasian Linguistics 02) / Ed. *A. E. Kibrik.* München—Newcastle, 1996.
- Koptjevskaja-Tamm 2001 — *Koptjevskaja-Tamm M.* “A piece of the cake” and “a cup of tea”: Partitive and pseudo-partitive nominal constructions in the Circum-Baltic Languages // *Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M.* (eds.). The Circum-

Baltic Languages: Typology and Contact. Vol. 2: Grammar and Typology. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 523—568.

Kroeber 1909 — *Kroeber A.* Classificatory Systems Of Relationships // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1909, 39. P. 77—84.

Kulikov 1993 — *Kulikov L.* The “second causative”: A typological sketch. Causatives and transitivity / Ed. *Comrie B., Polinsky M.* Amsterdam: John Benjamins. P. 121—154.

Lechner 2004 — *Lechner W.* Ellipsis in comparatives. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.

Lee 2003 — *Lee C.* Contrastive Topic and/or Contrastive Focus // *Bill McClure.* (ed.) Japanese/Korean Linguistics. 2003, 12. P. 381—420.

Lewis 1979 — *Lewis David K.* Scorekeeping in a language game // Journal of Philosophical Logic. 1979, 8 (1). P. 339—359.

Lyons 1999 — *Lyons C.* Definiteness. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Madariaga 2007 — *Madariaga N.* Russian Patterns of Floating Quantification: (Non-)Agreeing Quantifiers. // *P. Kosta and L. Schürcks.* (eds.) Linguistic Investigations into Formal Description of Slavic Languages. Potsdam Linguistic Investigations. Frankfurt am Main, 2007. P. 267—281.

Neeleman et al. 2010 — *Neeleman A., Titov E., Van de Koot H., Vermeulen R. A.* Syntactic Typology of Topic, Focus and Contrast // Alternatives to Cartography. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 15—52.

Pereltsvaig 2013 — *Pereltsvaig A.* Noun Phrase Structure in Article-less Slavic Languages: DP or not DP? // Language and Linguistics Compass. 2013, 7 (3). P. 201—219.

Russell 1905 — *Russell B.* On Denoting // Mind. 1905, 14. P. 479—493.

Sinor (ed.) 1988 — *Sinor D.* (ed.) The Uralic languages. Description, history and foreign influences // Handbook of Uralic Studies. Leiden: Brill, 1988. P. 451—477.

Srivastav 1991 — *Srivastav V.* The syntax and semantics of correlatives // Natural Language and Linguistic Theory. 1991, 9. P. 637—686.

Turunen 2009 — *Turunen R.* A typology of non-verbal predication in Erzya // Acta Linguistica Hungarica. 2009, 56 (2—3). P. 251—313.